

Иосиф Бродский

ОДНОМУ ТИРАНУ

Он здесь бывал: еще не в галифе —
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегдаев кафе
покончив позже с мировой культурой,
он этим как бы отомстил (не им,
но Времени) за бедность, униженья,
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им.

И Время проглотило эту месть.
Теперь здесь людно, многие смеются,
гремят пластинки. Но пред тем, как сесть
за столик, как-то тянет оглянуться.
Везде пластмасса, никель — все не то;
в пирожных привкус бромистого натра.
Порой, перед закрытьем, из театра
он здесь бывает, но инкогнито.

Когда он входит, все они встают.
Одни — по службе, прочие — от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют.
Он пьет свой кофе — лучший, чем тогда,
и ест рогалик, примостившись в кресле,
столь вкусный, что и мертвые "о да!"
воскликнули бы, если бы воскресли.

Joseph Brodsky

TO A TYRANT

He used to come here, yet not in armored car;
in civil jackets, modest, shoulder-shrinking.
Arresting later all the patrons of the bar,
and getting rid thereby of global thinking,
he, so to speak, repaid – but not to them:
to the Epoch - for misery, misfortune,
for horrid coffee, boredom, and the torture
of losing fights in *Le Texas hold'em*.

And the revenge was taken in quite well.
The place is filled with music, dancing crowds,
wide smiles. And though it's time to bid farewell
to the Epoch, let's take a look around.
It's plastic, nickel - no former grace at all,
and sodium bromide is felt in custards.
Right from the theater, at midnight or past it,
he comes sometimes, *a la incognito*.

The moment when he enters, they arise,
on duty some, from happiness all others.
Hand-wavings, to and fro, than sideways, rather,
restore the evening's comforting disguise.
He sips his coffee, in a chair recessed,
and chews a roll so tastefully perfected
that could not help even the dead - Oh, yes! -
exclaiming, all at once, if resurrected.

Иосиф Бродский

Песня невинности,

она же - опыта

*On a cloud I saw a child,
and he laughing said to me...*

W. Blake

1

Мы хотим играть на лугу в пятнашки,
не ходить в пальто, но в одной рубашке.
Если вдруг на дворе будет дождь и слякоть,
мы, готовя уроки, хотим не плакать.

Мы учебник прочтем, вопреки заглавью.
Все, что нам приснится, то станет явью.
Мы полюбим всех, и в ответ - они нас.
Это самое лучшее: плюс на минус.

Мы в супруги возьмем себе дев с глазами
дикой лани; а если мы девы сами,
то мы юношей стройных возьмем в супруги,
и не будем чаять души друг в друге.

Потому что у куклы лицо в улыбке,
мы, смеясь, свои совершим ошибки.
И тогда живущие на покое
мудрецы нам скажут, что жизнь такое.

Joseph Brodsky

The song of innocence,

as well as experience

*.Дитя на облачке узрел я,
оно мне молвило, смеясь ...*

Вильям Блейк

1

We would like to play never feeling lonely,
wear no coat, but a T-shirt only.
Though if cats and dogs from the sky are flying,
we'll be doing the homework and won't be crying.

We will finish the textbook despite its title.
All dreamed up at night will come true and vital.
We will love you all and you'll pay with kindness.
There is nothing better than plus times minus.

We will marry the girls with the brown eyes of
a wild doe; but if are girls ourselves, then guys of
handsome manners and heart we will only marry,
and on wings and arms will each other carry.

And because the face of the doll is grinning,
we with laughter will face every fall and winning.
And then elderly wizards will, no doubt,
tell us finally what life is all about.

2

Наши мысли длинней будут с каждым годом.
Мы любую болезнь победим иодом.
Наши окна завешаны будут тюлем,
а не забраны черной решеткой тюрем.

Мы с приятной работы вернемся рано.
Мы глаза не спустим в кино с экрана.
Мы тяжелые брошки приколем к платьям.
если кто без денег, то мы заплатим.

Мы построим судно с винтом и паром,
целиком из железа и с полным баром.
Мы взойдем на борт и получим визу,
и увидим Акрополь и Мону Лизу.

Потому что число континентов в мире
с временами года, числом четыре,
перемножив и баки залив горючим,
двадцать мест поехать куда получим.

2

Our thoughts every year will become maturer.
We will heal all traumas with band-aid cure.
Our windows will be draped with curtains,
Not a prison lattice – and this is certain!

We'll come early home after work fulfilling,
Brush aside popcorn when the movie's thrilling.
We'll let heavy pins on the dresses sprout.
Are you short of cash? We'll help you out.

We will build a vessel from glass and metal,
with a bar - and we won't for lesser settle!
We will climb aboard and obtain the visa,
and then go abroad and see Mona Lisa.

For, when tanks are filled, and we start to count
on the cabin's wall where the maps we mount
all the continents paired with all the seasons,
we for traveling twenty discover reasons.

Соловей будет петь нам в зеленой чаще.
 Мы не будем думать о смерти чаще,
 чем ворона в виду огородных пугал.
 Согрешивши, мы сами и встанем в угол.

Нашу старость мы встретим в глубоком кресле,
 в окружении внуков и внучек. Если
 их не будет, дадут посмотреть соседи
 в телевизоре гибель шпионской сети.

Как нас учат книги, друзья, эпоха:
 завтра не может быть так же плохо,
 как вчера, и слово сие писати
 в *tempi* следует нам *passati*.

Потому что душа существует в теле,
 Жизнь будет лучше, чем мы хотели.
 Мы пирог свой зажарим на чистом сале,
 ибо так вкуснее; нам так сказали.

Nightingales will sing for us in a green thicket.
 We won't care more for a one-way ticket
 to a better world than for scarecrows crows.
 Having sinned, a timeout we'll self-impose.

We will face the approach of the final round
 in an armchair, grand daughters and sons around,
 but if none, then enforced will be Law and Order
 by PD plus DA plus TV-recorder.

The epoch, and textbooks, and parents tell us:
 the forthcoming days will not be as *hell* as
 were the days of yore, though this cursive hasn't
 yet been replaced with *perfect present*.

Since the body and soul cannot be parted,
 Life will be better than we could chart it.
 We will flavor the cake with organic spices,
 for, the recipe says, it will taste nicer.

Hear the voice of the Bard!

W. Blake

1

Мы не пьем вина на краю деревни.
Мы не ладим себя в женихи царевне.
Мы в густые щи не макаем лапоть.
 Нам смеяться стыдно и скушно плакать.

Мы дугу не гнем пополам с медведем.
Мы на сером волке вперед не едем,
и ему не встать, уколовшись шприцем
 или оземь грянувшись, стройным принцем.

Зная медные трубы, мы в них не трубим.
Мы не любим подобных себе, не любим
тех, кто сделан был из другого теста.
 Нам не нравится время, но чаще – место.

Потому что север далек от юга,
наши мысли цепляются друг за друга,
когда меркнет солнце, мы свет включаем,
 завершая вечер грузинским чаем.

Внемлите глас Певца!

Вильям Блейк

1

We do not drink wine with the fellow farmers,
nor intend ourselves into princess' charmers.
By the seat of pants we are planes not flying.
 We're ashamed of laughing and bored of crying.

We don't ride a wolf caught in horse's harness,
don't befriend a beast to keep loved ones harmless,
nor will lady's kiss or a hefty ransom
 to a rehab ward turn him clean and handsome.

Of the Hall of Fame 15-minute members,
nor we fancy folks who ourselves resemble,
neither folks who don't. We regret the era
 when we happened, but more the location where.

As the North is far, and the South farther,
our thoughts won't follow one another.
When the sun fades away, we turn on lanterns,
 concluding evenings with white spumantes.

2

Мы не видим всходов из наших пашен.
Нам судья противен, защитник страшен.
Нам дороже свайка, чем матч столетья.
 Дайте нам обед и компот на третье.

Нам звезда в глазу, что слеза в подушке.
Мы боимся короны во лбу лягушки,
бородавок на пальцах и прочей мрази.
 Подарите нам тюбик хорошей мази.

Нам приятней глупость, чем хитрость лисья,
Мы не знаем, зачем на деревьях листья.
И, когда их срывает Борей до срока,
 ничего не чувствуем, кроме шока.

Потому что тепло переходит в холод,
наш пиджак зашит, а тулуп проколот.
Не рассудок наш, а глаза ослабли,
 чтоб искать отличие орла от цапли.

2

We do not see sprouts from our tilling;
deem the judge disgusting, defender chilling;
opt for not to be, for to be is risky.
 Please, a lunch for free and a fortune biscuit.

Startling eyes to us are a witch in town.
We of frogs are wary which wear a crown,
of the warts on fingers, and other curses.
 Please, a tube of ointment before it worsens.

We would rather foolish than foxy bear.
We don't care why trees their foliage wear.
When the Northern winds tear it off untimely,
 we have tears but no remorse entirely.

Since the heat is slow and cold is faster,
our coat is stapled and jacket fastened.
It is not the mind – our eyes have weakened
 to tell an eagle apart from chicken.

Мы боимся смерти, посмертной казни.
 Нам знаком при жизни предмет боязни:
 пустота вероятней и хуже ада.

Мы не знаем, кому нам сказать: "не надо".

Наши жизни, как строчки, достигли точки.
 В изголовьи дочки в ночной сорочке
 или сына в майке не встать нам снами.

Наша тень длиннее, чем ночь пред нами.

То не колокол бьет над угрюмым вечем!
 Мы уходим во тьму, где светить нам нечем.
 Мы спускаем флаги и жжем бумаги.

Дайте нам припасть напоследок к фляге.

Почему все так вышло? И будет ложью
 на характер свалить или Волю Божью.
 Разве должно было быть иначе?

Мы платили за всех, и не нужно сдачи.

We have fears of death, of ordeal post mortem.
 We can point exactly what thought exerts them:
 Void's far worse than Hell, Hell's less likely though.

Whom to beg: "Don't do it!" we do not know.

Our lives, like these lines, at the stop arrive.
 Into son's, of nine, into daughter's, five,
 bedroom sleep we won't come as sweet dreams and horrors.

We cast shadows longer than night before us.

It is not the bell upon us is calling!
 We don't bear light into dusk befalling.
 We get papers burned, we take colors down.

Let us wet our lips, before we drown.

Why'd it happen? Discarding untruthful answers
 own character citing or circumstances,
 did we really otherwise have to end it?

We have paid for all as we intended.

Иосиф Бродский

Сретенье

Анне Ахматовой

Когда она в церковь впервые внесла
дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук
Мариин; и три человека вокруг
младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взоров небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом
свет падал младенцу; но он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.

Joseph Brodsky

The Candlemas

To Anna Akhmatova

The day, to the church for the first time she brought
the child, there were present, of those who ought
to dwell as the hallowed building's upholders,
the Prophetess Anna and Simeon the Elder.

And Simeon accepted the child from the hands
of Mary, and how three figures to stand
continued around the baby, resembled
a scaffolding, lost in the dusk of the temple.

That temple, like motionless woods, them embraced.
From glances of men and the heavenly gaze
the crowns secluded, of querying wary,
That morning the Elder, the Prophetess, Mary.

And only the boy with an incident beam
was lightened; but he in his innocent dream
as yet unaware of passions and horrors,
was peacefully snuffling in Simeon's forearms.

А было поведано старцу сему,
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил: "Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
дитя: он -- Твое продолженье и света

источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем." -- Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. "Слова-то какие..."
И старец сказал, повернувшись к Марии:

And once in the past, this old man was foretold
that gloom of his grave before him would unfold
not sooner than Son he would see the Almighty's.

It's happened. And Simeon enounced: "Tonight is

The time when, maintaining the prophesied word,
this servant in peace You dismiss, O, my Lord,
for, he has eyewitnessed this child, prolongation
who is of Yourself, and henceforth revelation

to lighten all peoples of heathenish faith,
and glory for Israel seize." Thus his phrase
the Elder completed, and quietness solemn
enthralled them. Yet, barely brushing the columns,

the echo of Simeon's words flew above
their heads for some time, as an injured dove,
that under the arches would circle around,
being fit to take off but unfit to come down.

They felt rather awkward. This settling hush
was almost as strange as the blessing. Abashed,
the mother kept silence. "The words of a credo!"

And Simeon, addressing to Mary, proceeded:

"В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же оружием, Мария, которым

терзаема плоть его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человек, как некое око".

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шел, уменьшаясь в значении и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
шел молча по этому храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой немного:
но там не его окликали, а Бога

"Behold: In this child on your shoulders, there lies,
the cause of ones' fall and of other ones' rise,
the subject for dispute, the reason for arming,
and, Mary, by same very weapons, that harming

will do to his suffering flesh, will your soul
be wounded as well. And this wound will unroll
in front of you what in the heart of another
is hidden, as if to the eyes of his mother."

He finished, and moved to the entrance. Behind
both Mary, and Anna, though nearly blind
from aging and loneliness, were watching in stillness
as he was reducing in stature and realness

in views of these women. Being practically urged
away by their looks, toward glim that emerged
afar at the porch, he was pacing the ample
and empty expanse of the spellbound temple.

And fall of his footsteps was oldmanly firm.
Although to the widow's voice in return,
he paused momentarily, faltering slightly,
but so wasn't he who she hailed: the Almighty

пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,

он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою

как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.

the Prophetess started already to praise.
And doors were approaching. Already his face
was touched by the breeze, and his ear by the sound
of life that intrudingly reached from without.

He strode for his death. And the push of his arms
threw open the doors not to marketplace buzz
but into the muting embrace of the Reaper.
He found himself in a bottomless river,

He heard how sound suspended its flight.
And only the sight of the Infant, with light
around his crown, the soul of the strider
was bearing in front of his eyes, as a kind of

unquenchable lamp, through that ultimate door
to absolute darkness, where never before
had come to enlighten his passage a human.
The lamp was alight, and the road illumined.

* * *

С красавицей налаживая связь,
вдоль стен тюрьмы, где отсидел три года,
лететь в такси, разбрызгивая грязь,
с бутылкой в сетке — вот она, свобода!

Щекочет ноздри невский ветерок.
Судьба родных сознания не гложет.
Ах! только соотечественник может
постичь очарованье этих строк!..

1972(?)

* * *

Securing with a belle a closer link,
Along the walls where years were spent in prison,
To race a taxi to the bottle clink
and street-mud splash: What's freedom, if this isn't?

The seas are greeting with a Baltic breeze.
Concerns for loved ones aren't plaguing senses.
Ah! Only a compatriot the essence
of these delightful lines can fully seize!..